

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ И
ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ОКТЯБРЬ · КНИГА ПЯТАЯ

СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА 1933

Самая возможность выхода в свет рецензируемой книги свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне интереса читателей к Чехову: по существу она является повторением прежних работ М. П. Чехова, посвященных жизни и творчеству его знаменитого брата, давно и хорошо всем известных, и если кое-что новое в себе заключает, то лишь такие мелочи, которые читатель подбирает с охотой только в том случае, когда они касаются очень крупных фигур. Именно такова эта книга: факты значительные в ней — общеизвестны, а новые — незначительны. Если не бояться дешевого каламбура, то назвать ее можно бы «Вокруг да около Чехова»...

Она живо и легко читается, потому, во-первых, что автор ее владеет легким пером и потому, во-вторых, что героем ее является магическая фигура Чехова, который и жил так же, как писал: своеобразно, увлекательно и талантливо. Неистощимая и веселая изобретательность Чехова-гимназиста, потом студента, начинающего писателя и быстро входящего в славу художника; вереница его молодых приятелей, спутников литературной карьеры; писатели, актеры, врачи, бесчисленные встречи; эпизоды его творческой жизни, возникновение сюжетов, ловля их на лету, живые прототипы его литературных героев, — все это пестрой толпой быстро проносится перед читателем, охотно прощающим занимательному рассказчику то, что толпа эта в большинстве состоит из старых знакомцев.

Любителя легкого чтения эта книга удовлетворит вполне. Однако, иной прием встретит она у читателя более взыскательного.

Ибо, во-первых, ее легкость то и дело сбивается на легковесность, легковесность и в тоне, и в содержании, и в идеологии. С серьезными вопросами биографии своего знаменитого брата М. П. Чехов обходится слишком уж непринужденно, что и отмечено в обстоятельном комментарии редактора. Достаточно указать, например, на ту легкость, с какой он раздвинулся с вопросом о характере воспитания, полученного Антоном Павловичем в родительском доме.

Как известно, подавляющее большинство биографов утверждает, что воспитание это было чрезвычайно суровым, переходившим подчас в жестокое. При этом биографы ссылаются, кроме других источников, на высказывания самого Чехова и воспоминания его старшего брата Александра. Что же делает М. П. Чехов в своем стремлении доказать, что в семье его родителей царил атмосфера близкая чуть ли не к идиллической? Он обходит молчанием высказывания Антона Павловича, а факты, сообщенные братом Александром опорачивает указанием на то, что свои статьи о детских годах Антона Павловича Александр Чехов писал в состоянии запоя.

Возражение — явно несерьезное. Если допустить, что все, написанное Александром Чеховым о детских годах брата Антона, было написано им в состоянии невменяемости (хотя и писалось с промежутками в несколько лет), то неужто в том же состоянии Александр Чехов сдавал эти вещи в столь «трезвый» журнал, как «Вестник Европы»? И кто мешал ему, по минувании запоя, взять написанное обратно из редакции? Главное же заключается в том, что фактами сурового обращения с детьми (уже юношами 15—17 лет) пестрят ранние (неопубликованные доселе) письма Александра Чехова к Антону Павловичу, тогда еще таганрогскому гимназисту, писанные в ту пору, когда Александр Чехов запоем еще не страдал, и

¹ М. П. Чехов — «Вокруг Чехова — встречи и впечатления. Редакция, всесторонняя статья и комментарий М. П. Сокольников. „Академия“. Москва — Ленинград, 1933. 308 стр., тир. 5 300, ц. 5 р. пер. 2 бур.

таким образом спор разрешается явно не в пользу утверждений М. П. Чехова.

Далее, существенным недостатком книги являются встречающиеся в ней неточности фактического характера. Часть из них исправлена и оговорена в примечаниях редактора, но далеко не все. Говоря о приезде гимназиста Чехова в Москву в 1876 г., автор замечает: «Тогда были произведены одно за другим покушения на Александра II». Это неверно: с 1866 г. по 1879 г. не было ни одного такого покушения. М. П. Чехов утверждает, что журнал «Европейская библиотека», основанный в 1881 г., первый познакомил русских читателей с произведениями Гектора Мало, Карла Эмиля Францова, Додэ, Терье, Золя и Лоти. Это неверно: целый ряд значительных произведений названных писателей был переведен на русский язык задолго (иногда за 10 лет) до основания «Европейской библиотеки».

Автор книги, рассказывая об отношениях Чехова с Чайковским, сообщает, что Чехов посвятил Чайковскому свою вторую книжку «Хмурые люди». Первая же книжка его, «В сумерках», как известно, была посвящена писателю Д. В. Григоровичу. Не верно и это: «В сумерках» была не первой, а уже третьей книгой Чехова, а «Хмурые люди» — не второй, а пятой; нельзя при этом не отметить, что об одной из пропущенных М. П. Чеховым книг («Сказки Мельпомены») он сам перед этим упоминает...

Неверно, что после размовки Чехова с Сувориным по поводу дела Дрейфуса переписка между ними «прекратилась совсем»; она продолжалась до самой смерти Чехова, только стала менее интенсивной и утратила свой первоначальный дружеский характер. Неверно, что в 1886 г., когда Чехов познакомился с Сувориным, последний уже не руководил «Новым Временем», «почти отстранился» от этой газеты: и в это время и еще много лет после того Суворин был не только юридическим владельцем, но и фактическим редактором и «вдохновителем» газеты.

Неверно, что после исключения Горького из числа почетных академиков Чехов и Короленко «обсуждали вопрос о том, как бы устроить так, чтобы в виде протеста отказались от своих академических мест и все остальные почетные академики». Письма и дневниковые записи Короленко не оставляют ни малейшего сомнения в том, что ни он, ни Чехов и не помышляли «клонить всех почетных академиков к коллективному протесту и никаких попыток в этом направлении не предпринимали. Рассказывая о Лейкине, М. П. Чехов замечает: «Последний раз я встре-

тил его в Петербурге уже после смерти брата Антона Павловича, на банкете печати в честь французской прессы, устроенном во время приезда в Петербург французской эскадры с президентом Лубе». К этим словам редактор делает примечание: «Лубе... в 1901 г. приезжал с французской эскадрой для свидания с Николаем II». Стало быть это было не после смерти, а за три года до смерти Антона Павловича. Имеются еще неточности, но недостаток места не позволяет на них останавливаться.

Что касается примечания редактора, то надо сказать, что сделаны они весьма добросовестно, хотя, как мы сейчас видели, не все ошибки автора им оговорены в примечаниях, да и помимо этого кое-что по линии примечаний встречает возражения. Прежде всего нецелесообразна их нумерация по главам. Это было бы правильно, если бы они были и расположены по главам, но так как все они напечатаны в конце книги, то поглавная нумерация лишь затрудняет пользование ими: их приходится «искать». Затем непонятно, почему примечание к тому или иному имени помечено в тексте не в том месте, где данное имя первый раз встречается, а совершенно произвольно, при одном из последующих упоминаний.

Далее, примечания даны не ко всем именам, а по выбору, принцип которого неясен. Например, есть примечание к имени писателя Данилевского, но отсутствует к имени Марининского; даны примечания о Гюго, Шпильгагене, М. Искае, но почему-то не даны о Золя, Додэ, Лоти и целом ряде других; есть к Листу и Чайковскому, но нет к Даргомыжскому и Бетховену; есть к Суворину, нет — к Буренину; есть пояснения об одних приятелях Чехова (Корбове, Куркине) и нет о других (Зембулатове, Савельеве), — и т. д. и т. д.

В иных случаях подобные пробелы — несущественны, и по поводу них редактор заслуживает упрека лишь в непоследовательности, но порой примечания отсутствуют и там, где они были совершенно необходимы.

Так, М. П. Чехов сообщает, что в семье их соседей в Таганроге, обрусевших греков Малаксиано, была девочка, часто игравшая с его сестрой. Впоследствии, она «сделалась видной революционеркой, — добавляет автор, — была судима и затем сослана в каторжные работы. Там, за нанесенное ей оскорбление, она, как говорил мне брат Антон, ударила надзирателя по физиономии, за что подверглась телесному наказанию и вскоре затем умерла». Эпизод этот и сам по себе вполне «заслуживав-

ший» примечания, особенно нуждался в нем потому, что изложен он туманно и потому, что сведения о знакомстве Чехова с революционерами, об его интересе к ним — крайне скудны и в силу этого крайне важны. Между тем в данном случае речь идет о вполне реальном факте: Малаксиано — это известная Н. К. Сигида, первая жертва знаменитой Карийской трагедии. После смерти наказанной розгами революционерки последовало, в виде протеста, массовое самоубийство ее товарищей (Ковалевской, Смирницкой, Калюж-

ной, Калюжного и Бобохова). Страдает пробелами и приложенный к книге указатель имен (нет, например, Золя, Данилевского, упоминаемых в тексте).

К числу больших достоинств книги следует отнести то, что редактор в своем предисловии дал трезвую и в общем правильную оценку труда М. П. Чехова.

В смысле художественного и типографического оформления книга сделана чрезвычайно заботливо и украшена рядом ксилографий Ивана Павлова.

А. Дерман